

Две семёрки Бориса Осыкова

25 апреля большому другу «Большой переменки» – замечательному журналисту, краеведу и писателю Борису Ивановичу Осыкову исполняется 77 лет!

Его творческая судьба очень интересна. Когда ему было десять лет, Борис Осыков стал призёром Всесоюзного конкурса юнкоров «Пионерской правды» – главной детской газеты СССР. Его заметки печатались в старооскольской районной газете «Путь Октября»... Ну а путь в большую журналистику начался после окончания Белгородского государственного педагогического института имени М.С. Ольминского – так в 1960–70-е годы назывался вуз, из которого потом «вырос» Белгородский государственный университет. Борис Иванович увлёкся и краеведением. Как говорят исследователи, именно он стал в нашей области первооткрывателем темы «Белогорье литературное». Собирал сведения о белгородских писателях и поэтах, известных в стране литераторах, чьи жизни и судьбы соприкоснулись с историей Белгородской области.

Борис Осыков написал более 40 книг, в том числе адресованных и юным читателям. Последняя его книжка – «Сражались за Родину», рассказывающая о белгородских детях и подростках, которые воевали на фронте, в партизанских от-

рядах, помогали в тылу – вышла в конце прошлого года.

Много лет Борис Осыков сотрудничал с «Большой переменкой» – ещё газетой, и его краеведческие рассказы и повести очень нравились ребятам. Мы очень рады, что дружба с Борисом Ивановичем продолжилась и в журнале «Большая переменка». Специально для журнала Борис Осыков передал свою новую историческую повесть «Мятежная галера», которая ранее нигде не публиковалась.

Так что поздравляем вас, ребята, с увлекательным чтением! А Вас, Борис Иванович, вот с таким «семизначным» юбилеем!

Мятежная галера

Историческая повесть

Мужественные защитники городов-крепостей Белгородской черты не боялись встретиться лицом к лицу с захватчиками. Много раз побеждали их в открытом честном бою. И те шли на хитрость. Устраивали засады. Нападали на обозы. Подкрадывались к высланным в степь дозорам. Подстерегали одиночных путников и занятых мирным трудом хлебопашцев, косарей, рыбаков. И, одолев русичей в короткой, жестокой, неравной схватке, вязали по рукам и ногам. Вскакивали на приземистых лошадей и растворялись вместе с пленниками в необозримой степи.

В поле, за пахотой, взяли в полон Фильку Кореплясова из Белгорода. Хотел было он бе-

жать, да куда ж пешему от конного да на просторе степном скрыться? Прощайте, жена и детушки малые... Прощай, земля-кормилица...

Сын стрельца из Валуек Родька Дементьев – совсем ещё юнец. Когда от дозорных пришло городскому воеводе тревожное известие о приближении кочевников, тот велел усилить охрану и выслать в поле сторожу. А отец Родькин в ту пору занедужил. Пришлось сыну ехать за отца – больше некому. Неподалёку от того места, где Валуй впадает в Оскол, в густых зарослях лозняка подстерегли крымчаки Родьку, схватили, связали... Прощайте, матушка, прощайте, батюшка... Прощай, сторонка родимая...

Московский стрелец Ивашка Лукьянов, бала-

гур и весельчак, был послан из столицы в новый город Яблонов, где заканчивался хлебный запас. Двести стрельцов отрядили за хлебом в город Оскол. И уже на обратном пути навалился на хлебный обоз вражеский отряд, окружил стрельцов со всех сторон. Многих порубали да постреляли поганые. А Ивашку, раненого, в полон взяли. И померк солнечный свет для весельчака Ивашки. Наступила чёрная ночь кромешная. Прощай, свобода любая... Прощай, раздолье русское...

И под Усердом отряд кочевников неслышно подкрался к пятерым стрельцам. Окружили. Уже верёвки стали готовить. Да заметили русские воины врагов. Схватились за ружья, стали отбиваться. Кончились заряды – взялись за сабли. Особенно ловок был один из стрельцов, высокий, статный. В бою слетела с его головы шапка, и рассыпались волосы золотисто-льняные, длинные до плеч. Не подпускает русоголовый воин к себе врагов. Вот уже и товарищей рядом нет. Двое порубанные лежат. Два других – израненные, по рукам-ногам связаны. А к русоголовому никак не подступиться. Взмахнёт он саблею – коротко, точно, страшно – и с криками боли, проклятиями и руганью отскакивают от него крымчаки, словно от огня.

Взяли они русича хитростью. Сзади набросили на шею аркан, сдёрнули с седла. И уже на земле навалились скопом, воющей, рычащей сворой. Конец уж приходит стрельцу – разъярились поганые, живьём разорвать готовы. Но подъехал мурза на лошадке, в броню кожаную зашитой, властно распорядился оставить пленника. Поглядел сверху, пробормотал довольно: «Хорош урус, молодой, здоровый, много денег взять можно». Прикрикнул строго: «Давай вяжи Ивана крепче!». И, оскалив в хищной усмешке редкие жёлтые зубы, отъехал.

Не ошибся мурза. Иваном звали стрельца из Усерда. Имя – Иван, а фамилия – Мошкин.

Иван то проваливался в беспамятство, то снова возвращался в сознание. Передали его в руки одной из обозных команд крымчаков, которые всегда двигались вслед за боевыми отрядами татарского войска. Обозники привели его в чувство, окатив ледяной водой, и погнали вместе с другими русичами к месту сбора пленников. Здесь и повстречались четверо наших земляков, четверо товарищ по несчастью: тихий и задумчивый Филипп Кореплясов, никогда не унывающий Ивашка Лукьянин, изо всех сил старающийся сдержать горькие слёзы Родька Дементьев и светлоголовый богатырь Иван Мошкин. Они быстро приились к друг дружке, обменялись каждый своим горестным рассказом и тут же сговорились, если

получится, держаться вместе в плену у поганых.

Но вот забегали, засуетились татары, завидев приближающегося мурзу в сопровождении малого отряда личной охраны. Захваченных в неволю людей стали расставлять в ряды по несколько человек, связали им руки сыромятными ремнями, сквозь ремни продели деревянные шесты, а на шеи набросили верёвки; потом, держа за концы верёвок, окружили всех связанных цепью верховых и, подхлёстывая нагайками, без остановок погнали по степи. По дороге конная стража продолжала всё время подгонять голодных пленников ударами палок и нагаек, но, боясь искалечить, особо не усердствовала – за живой товар степняки рассчитывали выручить хорошие деньги. Маленьких детей, имевших на рынках особую ценность, везли, сажая по несколько в большие корзины, свисавшие по бокам лошади, – иначе бы они просто не выдержали трудностей перехода. Хворых, слабых и немощных, как только они падали от усталости, убивали или просто бросали в степи. Шли долго, шли день и ночь, почти без отдыха и остановок – опасались погони. Достигнув, наконец, относительно свободных от казаков земель в низовьях Днепра, татары пустили лошадей в степь на вольный выпас, а сами приступили к дележу ясыря, так они называли своих пленников, предназначенных для продажи. Распоряжался всем начальник обоза, назначенный лично мурзою. Каждого полонянина помечали раскалённым железом. Как правило, все русские пленники рано или поздно попадали в Кафу (современную Феодосию), где был самый большой в Европе невольничий рынок.

Начальник обоза пригнал в Кафу и наших белгородских пленников. Сотню за сотней, таких же, как они, нестарых ещё и крепких, выводили на торговую площадь Кафы связанными по десять человек за шеи. Дальше всё как на ярмарке скота: продавцы расхваливали товар, покупатели его придирчиво осматривали, выявляя скрытые изъяны и пороки. Для большинства крепких мужчин путь был известен – на гребные суда, каторги – так по-гречески называются галеры. Иван Мошкин, выделявшийся ростом и богатырским сложением, сразу привлек внимание толстого турка, который был надсмотрщиком за гребцами галеры, принадлежащей высоко поставленному турецкому офицеру Апты-паше. Надсмотрщик не стал долго торговаться с обозником и купил оптом сразу два десятка рабов, а среди них и четверых наших пленников. Так Филька, Ивашка, Родька и Иван Мошкин стали невольниками Апты-паши.

Много богатств у Апты-паши. Одно из них – большая галера. Изящная, лёгкая. На высоких мачтах – белые паруса. И сама галера выкрашена ослепительно белой краской. А поверх расписана лазурью и золотом. Как и положено военному кораблю, галера снабжена дюжиной якорей, толстыми прочными канатами и двумя десятками больших и малых медных орудий. На эту галеру и пригнали невольников. Усадили на жёсткие деревянные скамейки вдоль правого и левого бортов. На каждого надели кандалы. А кандалы скрепили длинной цепью. Никуда теперь не убежишь, движения лишнего не сделаешь.

От зари и до зари ворочали они огромные вёсла. Пронзающий ветер швырял в лицо горько-солёную воду. Солнце нещадно жгло неприкрытые головы и спины. День за днём каторга высасывала из них силу. Неужто суждено им погибнуть от тяжкой работы, голода и постоянных побоев и унижений?.. И самые крепкие из двухсот восемидесяти гребцов, самые отважные замыслили захватить галеру.

Во главе заговора стал Иван Мошкин. Не сломила могучего русича жестокая каторга. В глубокой тайне и с большой осмотрительностью готовил он средства для освобождения. И, видно, сама судьба благоволила пленному стрельцу.

В 1641 году судно капитана Апты-паши включили в состав огромного турецкого флота, направленного к стенам крепости Азов, дерзко отбитой у турков четырьмя годами ранее лихим отрядом донских казаков. Галере было предписано подвозить боеприпасы, пленные гребцы их и выгружали. Во время этих работ Иван Мошкин и худющий, юркий Родька Дементьев сумели похитить почти что целый пуд пороха, а спрятать его между запасами сухарей помог любимый

слуга и эконом Апты-паши, бывший пленный русич по имени Микула, которого Мошкину удалось перетянуть на свою сторону. Микула, в конце концов, согласился с бывшим стрельцом, что лучше всё-таки жить на родине, чем находиться в плену.

Появился у заговорщиков и ещё один неожиданный помощник. Однажды Иван решил рискнуть и посвятил в план побега служившего на галере испанского юношу Сильвестра, бывшего пленного. После того, как Сильвестр, поддавшись настойчивым уговорам Апты-паши, принял ислам, с него сняли кандалы и хозяин галеры сделал юношу одним из своих слуг. Мошкин пообещал в случае успеха – захвата галеры – отвезти испанца на родину. Удалось русичу найти нужные слова в разговоре с Сильвестром, и испанец стал верным союзником заговорщиков.

А тем временем обстоятельства продолжали складываться в пользу Ивана и его товарищей. Турецкая армия после двух лет осады так и не смогла взять Азов. Карательная операция с трехком провалилась. В 1643 году флотилию отзвали обратно в Константинополь. По возвращении своего войска турецкий султан Ибрагим Первый, взбешённый военной неудачей, дал волю гневу и приказал наказать военачальников, проваливших операцию. Каждый день вершились казни: обвинённых в неудаче четвертовали и вешали. Хитрый капитан Апты-парша решил от греха подальше переждать «лихие денёчки» в спокойном месте. Он приказал ночью тайно выйти из порта Константинополя. В двух верстах от берега галера встала на якоря. После этого манёвра всем было приказано спать. Мошкин с товарищами поняли, что лучшего случая для захвата галеры может больше не представиться.

Окончание в следующем номере